

Э. А. ГРАНТОВСКИЙ

**«СЕРАЯ КЕРАМИКА», «РАСПИСНАЯ
КЕРАМИКА» И ИНДОИРАНЦЫ**

Ни череп, ни меч, ни глиняный горшок не могут непосредственно свидетельствовать о принадлежности их бывших собственников к индоевропейскому или иному языковому единству.

О. Шрадер

«Арийская проблема», включающая вопросы происхождения, ранней истории и расселения индоиранских (арийских) племен со времени их выделения из индоевропейского племенного единства до распространения в странах, где они засвидетельствованы в исторический период, является по своему характеру проблемой комплексной. Ее исследование опирается на материалы самого различного рода. Это выводы чисто лингвистического порядка – прежде всего о классификации, генеалогическом родстве и ареальных связях арийских языков с другими индоевропейскими и между собой, а также о контактах с языками иных семей, от финно-угорских (с индоиранской эпохи) до дравидийских и мунда (для арийских языков в Индии); данные о животном и растительном мире, природно-климатических условиях, в которых жили индоевропейцы и арии; анализ исторических, а также современных географических названий и особенно гидронимов; сравнительные историко-лингвистические материалы о хозяйстве, быте, культуре арийских племен, об особенностях их социального и политического строя ко времени отделения от других индоевропейцев и позже; сведения источников об индоиранских племенах на заре их письменной истории (а также о переселениях в историческую эпоху) и многие другие данные, в том числе и относящиеся к более поздним периодам – например, характеризующие этнические черты индоиранских народов и процессы их этногенеза в соотношении с особенностями асси-

милированного населения, от чего зависят также выводы о характере и составе мигрирующих арийских групп (а от этого – и подход к поискам археологических следов таких миграций).

Важное место в разработке этой проблемы принадлежит археологическому материалу. В отношении упомянутых историко-лингвистических данных большое реальное значение этого материала состоит прежде всего в сопоставлении с выводами науки об «индоевропейских древностях», возможности хронологически и территориально проконтролировать те или иные положения о распространении индоевропейских и арийских племен в свете реконструкций их социального строя, хозяйства, быта и культуры. Это касается многих общих черт и конкретных деталей. Ограничимся таким общим примером. Некоторые ученые, в сущности, вопреки ряду выводов индоевропеистики сдвигали родину индоевропейцев или их восточной ветви, ариев, ближе к азиатским степям или в их пределы; при этом, учитывая данные о развитии у индоевропейцев и особенно у ариев скотоводства и коневодства, исходили и из соображений этнологического плана об особом значении скотоводства и всадничества в этих степных областях, где в историческое время обитали скотоводы-кочевники. Но, как теперь известно по археологическим свидетельствам, эти области были заняты охотниками и собирателями в то время, когда формировалось и существовало индоевропейское единство, а частично и после начала его распада.

Вообще же археология вполне подтверждает традиционную локализацию индоевропейского единства перед его распадом в Европе, примерно в пределах территории от Балкан до районов к северу и северо-западу от Черного моря и Центральной Европы (либо также в некоторых прилегающих к этой территории областях), а в природно-климатическом отношении – в нормально-умеренной (с продолжительной и довольно холодной зимой) и преимущественно лесной зоне. Сравнительные историко-лингвистические данные указывают на раннее развитие у предков индоевропейцев земледелия и скотоводства, связанных с ними хозяйственных и бытовых особенностей, на дальнейший прогресс хозяйства и социального строя. Все это соответствует современным археологическим материалам, намного удревнившим возникновение и распространение земледельческо-скотоводческого хозяйства в упомянутых областях и последующее социально-экономическое развитие ряда культур Европы¹.

Равным образом распространение культур с особой ролью скотоводства (сочетавшегося, однако, с земледелием) в Северном Причерноморье и соседних областях с IV–III тыс. до н. э. и позже вполне сочетается с данными о возросшем значении скотоводства у индоевропейцев (или их

части) в эпоху перед распадом их единства и о ведущей роли скотоводства (но без разрыва с земледелием) у ариев. Вместе с материалами о социальном развитии тех же культур это соответствует и обычной локализации индоиранцев в ту эпоху в районах к северу от Черного моря и Кавказа. Природные и хозяйственные различия в ареале обитания индоевропейцев, одни из которых жили в лесной, а другие (прежде всего арии) – в степной зоне, существовали, по одному мнению, уже в эпоху «пранарода», а по другому (видимо, более оправданному) – были вторичны, и предки ариев некогда разделяли с другими индоевропейцами традиции хозяйства в одинаковых природных условиях. Но в любом случае эти надежные выводы о различных для разных групп индоевропейцев хозяйственных и экологических условиях, подразумевающих «контрасты леса и степей», указывают на контакты таких групп в областях севернее Черного моря. Данное наблюдение, сделанное на основе сопоставления с географическими и историко-этнологическими данными, теперь подтверждается и может быть конкретизировано в свете материалов археологии.

На территориях от областей Европы, где обычно помещают родину индоевропейцев, до Ирана и Индии, куда проникла часть арийских племен, открыты и изучены археологические материалы, позволяющие представить развитие культурных, хозяйственных, а также социальных процессов на этих территориях. На их археологической карте остается все меньше территориальных и хронологических пробелов, расширяются и уточняются данные об уже известных культурах и их датировках. Несомненно, что роль материалов археологии в разработке «арийской проблемы» будет постоянно возрастать, но лишь при условии их конкретного соотнесения с историко-лингвистическими выводами.

Необходимо подчеркнуть, что языковые и сравнительно-исторические данные должны иметь приоритет при постановке и изучении любых аспектов этой проблемы и сама она в основе историко-лингвистическая. Заметим, к примеру, что носители культур Северного Индостана и Иранского нагорья времени преобладания там индоарийских и иранских языков в первой половине I тыс. до н. э. на основании одних лишь археологических (или антропологических и т. п.) данных не были бы признаны родственными не только индоевропейцам Европы, но, очевидно, и между собой и с населением северных степей, также «арийским» (скифы и др.). Устанавливая само родство индоиранских племен, степень их близости внутри арийской группы и ее иранской ветви, лингвистические и сравнительно-исторические материалы дают также конкретные свидетельства о хозяйстве, быте, социальном строе, культуре и т. п. арийских племен со времени, когда их предки входили в индоевропейское

единство, и на разных этапах их дальнейшей истории вплоть до появления на Иранском нагорье и Индостанском субконтиненте.

На упомянутом пути Европа – Индия известны многие археологические культуры, и нелегко назвать среди них такую, которая по тем или иным концепциям не связывалась бы с индоиранскими племенами. Причем с ними отождествляются и такие синхронные культуры, которые одновременно никак не могли бы принадлежать этим племенам. Существование различных или взаимоисключающих гипотез по спорной проблеме само по себе, конечно, вполне допустимо. Но часть таких гипотез, если не большинство, практически не сопровождается опирающейся на историко-лингвистические данные аргументацией, которая показывала бы, почему та или иная культура и ее материалы должны или могут быть отнесены к индоиранским племенам.

Нередко исходят прежде всего из того обстоятельства, что в историческую эпоху на тех же территориях обитало население этой языковой группы, что, однако, никак не может служить аргументом, тем более если нужно решить как раз вопрос о том, когда в данных областях появились индоиранские племена. К началу же исторической эпохи они были распространены от низовьев Дуная до долины Ганга и от границ тайги до Аравийского моря, но в предшествующие периоды они могли обитать лишь на части этой территории (а еще ранее, возможно, и за ее пределами). В качестве археологического довода в пользу раннего обитания ариев в тех или иных частях указанной территории одинаково используют «ретроспективный» метод, прослеживая преемственность культурных (а также, как полагают, этнографических) традиций от времени обитания в этих районах исторически известного населения индоиранской группы через предшествующие, сменяющие друг друга археологические культуры до весьма отдаленных эпох, иногда до энеолита, а то и ранее. Преемственность «культур», а также тех или иных «этнографических» признаков по ряду археологических показателей в таких случаях действительно наблюдается, но это лишь подчеркивает, что она могла сохраняться и при появлении нового этноса и полной смене этноязыковой принадлежности населения, в том числе его «арианизации» по крайней мере на части названной территории (или, хотя и в разное время, на всей в целом).

Если подобным образом аргументируют автохтонность арийских племен в одних областях, то для доказательства их продвижения в другие часто ссылаются на такие явления, которые также могли происходить и, безусловно, происходили на тех же территориях задолго до проникновения туда ариев (независимо от того, указывают ли вообще такие факты на

новый этнос и миграции или нет). При этом часто ссылаются на появление или распространение таких черт материальной культуры, как орнаментация керамики, формы сосудов и ряда других изделий и т. п. Но сами эти изделия, в каком бы оформлении они ни выступали, не имеют ничего специфически «арийского». Так, глиняная посуда имелась, понятно, и у индоиранских, и у многих других племен и народов. А в отношении культур с керамикой, сделанной на гончарном круге (многие из таких культур также отождествляются с ариями), прежде этого отождествления следовало бы задаться вопросом, существовало ли у индоиранских племен в доисторическую эпоху профессиональное гончарное ремесло.

При отсутствии более надежных археологических критериев в настоящее время целесообразно исходить прежде всего из того, может ли данная археологическая культура по своим бытовым, хозяйственным, социальным и тому подобным характеристикам быть сопоставима с культурой ариев или их отдельных групп в соответствующую эпоху по историко-лингвистическим материалам (конкретные же формы изделий и распространение их типов должны учитываться лишь в случае, если сами предметы по своим функциям для данных территорий и эпох могут быть связаны с арийскими племенами или их влиянием). В общих чертах указанная задача сейчас вполне разрешима. И если таким образом нельзя прямо указать на ареал определенной культуры, принадлежавшей именно ариям, то, во всяком случае, можно намного сократить число археологических культур, в области распространения которых могли обитать арии или их отдельные группы. Это имело бы существенное значение для дальнейшей разработки истории арийских племен и в частности вопросов их социального строя, хозяйства и культуры. Вместе с тем возможность исключить для определенных территорий и эпох присутствие индоиранских племен позволила бы внести важные территориальные и хронологические коррективы в картину расселения ариев по лингвистическим теориям (согласно этим теориям, территории, по которым распространялись индоиранские племена до проникновения в Иран и Индию, часто выступают как некое недифференцированное, в том числе в хозяйственно-культурном отношении, пространство).

Заметим, однако, что, несмотря на существенные расхождения в выводах упомянутых «лингвистических» теорий, в целом они обычно устанавливают единое направление индоиранских миграций, относящихся к определенной, хотя и весьма широкой в совокупности всех этих теорий эпохе, и учитывают данные о расселении ариев от их выделения из индоевропейского единства до распространения в Индии, Иране и других странах в начале исторического периода. По большей части иначе обсто-

ит дело с постройками, основанными на иных материалах и связывающими ариев с отдельными историко-географическими регионами и их археологическими культурами. Так, предполагая древнее пребывание индоиранцев в данном ареале, не указывают (или вообще не учитывают), какие выводы индоевропеистики позволяют помещать там ариев в столь раннее время и допустима ли вообще такая гипотеза в свете любых существующих историко-лингвистических положений. Или, полагая, что проникновение ариев в данный регион отмечено появлением неизвестных тут ранее особенностей материальной культуры, нового типа керамики и т. п., не пытаются уяснить, могли ли перед этим арии жить на соседних территориях, откуда они могли бы проникнуть в данную область, а сопоставляя распространение подобных особенностей материальной культуры на соседние территории с продвижением арийских племен, не стараются установить, отвечают ли этому мнению историко-лингвистические или даже иные археологические данные, относящиеся к территориям, в сторону которых направлено это предполагаемое движение. В результате такие выводы и этнические атрибуции археологических культур часто оказываются бездоказательными или неприемлемыми. Поэтому при изучении вопроса о происхождении и миграциях ариев и их групп на материалах отдельных областей и эпох необходимо учитывать данные по проблеме в целом, и территориально и хронологически – от выделения ариев из индоевропейского единства до их проникновения в Иран и Индию. В этом требовании также проявляется комплексность «арийской проблемы» на существующем уровне ее разработки.

Далее в свете сказанного будут рассмотрены теории, связывающие с ариями доисторические (ранее I тыс. до н. э.) земледельческие культуры юга Средней Азии и соседних областей Иранского нагорья.

В начале 30-х годов в Северо-Восточном Иране, на равнинах Горгана (Туренг и Шах-тепе) и у Дамгана (Гиссар), были изучены поселения с монохромной «серой» (или «серо-черной», «черной») керамикой, отнесенной к III–II тыс. до н. э. Так как в доисторические эпохи в Иране, население которого не было тогда индоевропейским, в основном была распространена расписная керамика – в том числе и после того, как на северо-востоке страны ее сменила монохромная «серая», – последняя была приписана «индоевропейцам» или индоиранцам. Иных доводов в пользу этой атрибуции приведено не было. Впоследствии она более конкретно аргументировалась лишь археологическими материалами более поздней поры, свидетельствующими о распространении элементов культуры серой керамики в ряде областей, где еще позже известны племена индоиранской группы. Указывалось также на бытование сходной керамики в

некоторых других странах (в эгейском мире и др.), но они отделены от Северо-Восточного Ирана огромными расстояниями, а такая керамика появилась в них намного позже, чем в Горгане. В Западном Иране в IV–III тыс. до н. э. не было ни этой керамики, ни индоиранцев, и поэтому часто полагают, что серая керамика «горганской культуры» принадлежала племенам, пришедшим из Средней Азии; однако и оттуда она принесена быть не могла. Тем не менее положение о какой-то специфической связи серой керамики с «индоевропейцами» получило широкое признание и в зарубежной литературе является чуть ли не общепризнанным; следуют ему и некоторые советские ученые. При этом были тщетны отдельные возражения лингвистов и историков (и применительно к этому случаю выступавших против самого соотнесения керамики с этносом), а также некоторых археологов, отмечавших, в частности, что серая керамика не могла происходить из Средней Азии, где сама появилась в результате влияний из Ирана. Этот контраргумент исходил, однако, от исследователей, которые вели раскопки неподалеку от Горгана, на юге Туркмении, и изучали поселения типа Анау, предложив, в свою очередь, считать их арийскими с весьма раннего времени (по некоторым мнениям, даже более раннего, чем появление серой керамики в Горгане).

Еще в конце 40-х годов в советской литературе была выдвинута гипотеза, предлагавшая видеть индоиранцев в носителях культур крашеной керамики юга Средней Азии и соседних областей Иранского нагорья и одновременно считать более северные степные культуры также принадлежащими индоиранцам – предкам восточноиранских племен; предполагалось также, что при контактах носителей культур крашеной керамики юга и охотничье-рыболовецких и затем скотоводческо-земледельческих культур севера вообще происходил этногенез индоевропейцев. Тезис об индоевропейском этногенезе в этих восточных районах (и в этих хозяйственно-культурных условиях) явно неприемлем. Но сам автор указанной гипотезы позже не возвращался к ней и считал степные племена открытой им в Южном Приаралье культуры середины – второй половины II тыс. до н. э. пришедшими с северо-запада и представлявшими «первую значительную волну» индоиранцев или иранцев в этих районах. Мнение об арийской принадлежности населения северных степей в археологической литературе появилось с 20 – 30-х годов, а с 50-х годов среди части советских археологов получила распространение точка зрения о связи индоиранских племен именно с носителями степных культур (обычно имелись в виду культуры андроновского круга) и о последующем продвижении племен из этой зоны на юг Средней Азии, в Иран и Индию.

Между тем гипотеза о связи культур крашеной керамики юга Средней Азии с ариями получила дальнейшее развитие, главным образом усилиями исследователей памятников юга Туркмении, а затем юга Узбекистана и севера Афганистана с открытием там доисторических земледельческих комплексов. Данная теория также приобрела значительное число последователей, оказав влияние и на концепции некоторых сторонников более ранней связи с ариями «серой керамики». В свою очередь, последняя точка зрения (в модифицированных вариантах) повлияла на дальнейшую разработку проблемы этнической принадлежности культур Анау–Намазга и на их более поздних этапах.

Ученые, связывающие с ариями культуры расписной керамики, на комплексах Анау–Намазга после конца III тыс. до н. э. сменяющейся нерасписной, допускают, что предки индоиранцев жили тут не позже второй половины III тыс., вообще с III тыс. или «с древнейших времен»; иногда пишут также, что они формировались в этих районах «исконно», «генетически», со времени развития производящего хозяйства и культур расписной керамики (т. е. с VI–V тыс. до н. э.). Такое удревнение в свете упомянутой традиционной аргументации вполне логично, так как комплексы типа Анау–Намазга показывают в общем непрерывную линию развития и не дают каких-либо свидетельств о появлении нового населения, например, в эпоху Намазга IV (вторая половина III тыс.). За распространением элементов этой культуры второй половины III – начала II тыс. до н. э. и предполагаемым передвижением населения в том же направлении к концу III – первым векам II тыс. на восток Афганистана и к границам Индии видят расселение ариев (или индоариев). Позже из того же ареала выводят иранцев, к которым относят локальные культуры обычно расписной («поздней») керамики первых веков I тыс. до н. э. в Иране и Средней Азии.

Подобный метод еще более широко и последовательно применяется в теориях, ассоциирующих с ариями «серую керамику». Ее появление в небольшом количестве на северо-западе Ирана и в соседних районах Передней Азии к середине II тыс. до н. э. сопоставляется с данными того времени об ариях на Ближнем Востоке. С XIV–XIII вв. до н. э. серая керамика «массированно» охватывает большинство районов Северо-Западного Ирана, и это рассматривается как результат распространения там западно-иранских племен. Равным образом в инфильтрации серой керамики в восточных областях Иранского нагорья и на его окраинах видят свидетельство продвижения туда из районов Гиссара–Горгана ариев или индоариев, например на северо-запад Пакистана (Сват, по материалам с третьей четверти II тыс. до н. э. до эпохи раннего железа). Появление

ние серой керамики на поселениях Южной Туркмении – первоначально еще в «расписную» эпоху Намазга IV, а затем в период Намазга V, – а иногда и саму утрату в то время росписи остальной посудой также расценивают как признак распространения индоиранских (или конкретно индоарийских) племен с северо-востока Ирана и ассимиляции ими местного населения предгорий Копетдага; затем это, уже смешанное, население, как полагают, стало продвигаться далее к востоку (по материалам эпохи Намазга V–VI и VI, еще также с некоторым процентом серой керамики). Помимо самой керамики, техники ее изготовления и т. п. основываются и на некоторых иных аналогиях, например формах сосудов, близких к сероглиняным сосудам Горгана – Гиссара, или отдельных металлических изделий. Преимущественно последние уже давно использовались для определения пути расселения ариев из района Гиссара или через его территорию при движении к Индии.

Если, таким образом, совместить упомянутые точки зрения или непосредственно следовать некоторым из них, окажется, что индоиранские племена растекались по Иранскому нагорью или его северной части, точно по огромному сосуду из узкого горла, ограниченного Горганом с примыкающими к нему районами. Вместе с тем и исследователи, специально не ассоциирующие ариев именно с «серой» керамикой, по другим элементам культуры, по формам сосудов, иных изделий и т. п. связывают с населением Горгана–Гиссара (и гипотетично археологически не изученных областей Хорасана) и северных предгорий Копетдага носителей культур земледельцев, распространявшихся во II тыс. до н. э. на восток по югу Средней Азии и северу Афганистана, также относя их к различным индоиранским группам (в частности, к иранским или даже «восточноиранским»).

Отбрасывая некоторые крайности упомянутых положений, можно заметить, что обе основные охарактеризованные теории (о культурах Анау–Намазга и Горгана–Гиссара) в общем плане арийской проблемы весьма близки – и по сходному типу отождествляемых с ариями земледельческих культур, перерастающих в «протогородские» (впрочем, сам этот социально-хозяйственный аспект при отождествлении с ариями обычно не учитывается), и по времени появления или вообще обитания ариев на юге Средней Азии и северо-востоке Ирана, и по их дальнейшему распространению; тут обе теории и территориально и хронологически во многом покрывают друг друга, а в некоторых случаях, как мы видели, и непосредственно совмещаются.

Некоторые сторонники этих теорий происхождения индоариев и иранцев игнорируют не только проблему более ранней истории ариев, но

и данные о принадлежавших к ним племенах, обитавших на иных территориях. В других случаях отмечают, что и племена северной степной зоны были арийскими, обычно относя их к иранским (или «восточноиранским»), частично продвинувшимся затем на земледельческий юг, который уже был занят ранее другими арийскими группами (при этом северные степные и южные земледельческие группы определялись как «этнически одинаковые племена с различным способом хозяйства»). Наконец, существует даже мнение, что арийским сначала было именно или только южное земледельческое население, а иранизация степного – результат более поздних влияний и переселений с юга.

Общим обоснованием для последнего мнения служат археологические данные о влияниях, шедших на север из тех же областей на северо-востоке Ирана и юге Туркмении. Так, указывают на воздействия в области металлургии и диффузию типов металлических изделий (часто также с особой ролью гиссарских традиций) в северных областях Средней Азии и далее в азиатских степях восточнее Волги и до Южной Сибири; отмечают также распространение керамики и традиций ее производства из тех же южных областей с III – II до первой половины I тыс. до н. э. в разных районах от Среднеазиатского междуречья до туркменского Прикаспия. Кроме того, высказывалось мнение о формировании степной доандроновской керамики и ее орнамента под южным влиянием; правда, другими археологами это мнение не принимается, как и сопутствующее ему положение, что считающаяся обычно степной керамика с ряда поселений времени Намазга VI является местной кухонной. Другие сторонники иранизации степи с юга не сомневаются в «степной» принадлежности этой керамики с земледельческих поселений; при этом были приведены новые факты такого рода и, более того, данные о расположенных рядом с этими поселениями стоянках степных племен с той же керамикой. Но такие данные, указывающие на распространение степных племен вплоть до поселений южного земледельческого ареала, расцениваются при этом лишь как свидетельство тех постоянных мирных контактов, в результате которых, по данной точке зрения, и происходила иранизация степи. Но для всех вариантов этой теории характерно убеждение, что далеко к югу степные племена не продвигались и во всяком случае не играли существенной роли в дальнейшей судьбе населения южных земледельческих районов (так полагают и некоторые авторы, считающие арийским и раннее степное, и южное земледельческое население).

Независимо от конкретных определений этноязыковой принадлежности доисторического населения Средней Азии рядом ученых по археологическим и антропологическим данным предполагается значительная

роль переселенцев с юга и их культурных традиций в формировании населения и культуры ряда областей Средней Азии, в том числе междуречья и Южного Приаралья, в конце III – первых веках I тыс. до н. э.; причем для ранних этапов данной эпохи речь идет о первых культурах с земледельческо-скотоводческим хозяйством в районах, где ранее преобладало «присваивающее» хозяйство. А по одному из упомянутых мнений об иранизации степи, именно в результате расселения групп южного населения, его влияний и смешения с охотниками и собирателями северных степей там вплоть до границ леса и тайги получило развитие производящее хозяйство, в соответствии с местными экологическими условиями преимущественно скотоводческое. По данному мнению, население северной степной зоны становится ираноязычным еще в доандроновское время, в конце III – первых веках II тыс. до н. э.

По иной точке зрения, иранские языки степи также распространились с юга Средней Азии, но это было следствием длительных и постоянных контактов и передвижений с юга на север на протяжении эпохи бронзы или даже позже. Предполагается также, что иранизация степи осуществлялась вместе с номадизацией (и обе были двумя аспектами одного процесса), а переход к кочевничеству сопровождался сломом многих предшествовавших, в том числе именно андроновских, культурных традиций населения степи (причем также при влияниях, например, в районах Казахстана с «иранского» по языку земледельческого юга). Последний тезис направлен и против распространенного мнения о прямой преемственности культур племен степной бронзы и скифо-сакских племен и о том, что это может служить доказательством ираноязычия первых, причем настаивают на бездоказательности такой аргументации (с чем можно было бы согласиться, если иметь в виду лишь формальную «археологическую» сторону вопроса).

Все упомянутые теории, и тем более последние – об иранизации степи, практически не учитывают историко-лингвистических данных по проблеме. Если же абстрагироваться от этих данных, то положение о распространении иранских языков в степи с юга Средней Азии может выглядеть даже более логичным, чем иные мнения, по которым арийский ареал весьма рано включал юг Средней Азии и соседние области Ирана. Положение это более последовательно выдерживает тот археологический принцип, который прежде всего и лежит в основе всех упомянутых теорий. А при применяемой в них методике, в частности, вполне оправдан вывод о многовековом обитании ариев в ареале культур типа Анау–Намазга или Горгана–Гиссара (и именно одно из мнений об иранизации степи связано с положением об исконном развитии ариев на юго-западе

Средней Азии и в Иране чуть ли не с VII–V тыс. до н. э., а по другому мнению, их раннее обитание здесь аргументируется, в частности, ссылкой на выводы, «удрежняющие» пребывание «индоевропейцев» в этих районах до IV тыс., по данным о местной «серой керамике», см. об этом ниже).

Вместе с тем сторонники этого мнения, обращаясь к территориям за пределами древнего земледельческого ареала, учитывают, что к северу от него до определенного времени жили охотники и собиратели (каковыми предки ариев уже давно не были); это наблюдение может иметь большое значение при оценке ряда положений о связи ариев с доисторическими культурами Средней Азии и Ирана, как и сделанный при сопоставлении степных и древнеземледельческих культур вывод о том, что арии по происхождению должны относиться к одному культурно-хозяйственному ареалу. Заметим, что оба эти обстоятельства независимо отмечались и при выводах о расселении ариев преимущественно на основе историко-лингвистических данных, однако при прямо противоположных заключениях о направлении миграций и хозяйственном типе ариев. Согласно мнению об иранизации степи, они оказываются в основе не «скотоводами», а «земледельцами» – того типа, который был характерен для доисторического ареала юга Средней Азии – востока Ирана. Но это определение хозяйственного типа, опосредствованное, в свою очередь, лишь самим данным мнением о происхождении ариев, остается в остальном чисто умозрительным и не подкреплено какими-либо лингвистическими материалами о хозяйстве, быте и культуре индоиранских племен в общеарийскую эпоху и иранских в общеиранский период. Между тем имеющиеся данные, вполне позволяющие конкретно решать эти вопросы, очевидно, не соответствуют упомянутому мнению об иранизации степи с земледельческого юга Средней Азии, да и вообще это мнение в любых вариантах неприемлемо в свете различных историко-лингвистических данных (ср., в частности, ниже). Но на его фоне более отчетливо выступают слабости в аргументации некоторых других бытующих положений о происхождении ариев, а также и индоевропейцев в целом.

Конкретным основанием для этого мнения служат, как говорилось, культурные влияния, шедшие в направлении степи со стороны земледельческого юга Средней Азии. Но такие влияния, как и экспорт из районов старых земледельческих цивилизаций, были постоянными явлениями в истории (а если им и сопутствовала миграция, то обычно в обратном направлении). Культурные и хозяйственные влияния со стороны древних цивилизаций Востока или промежуточных областей шли также через Кавказ и Малую Азию – юг Балкан. Но это, конечно, не значит, что одни

группы индоевропейцев происходили из Малой Азии, другие – из Закавказья, а третьи – из Средней Азии и Восточного Ирана. Помимо общих соображений и конкретных данных индоевропеистики подобный вывод был бы невозможен и в свете древневосточных материалов, определенно свидетельствующих об автохтонном неиндоевропейском населении в ряде стран Передней Азии, в том числе на отделяющих Восточный Иран от Малой Азии обширных пространствах Западного Ирана, Иранского Азербайджана, соседних областей Армянского нагорья. Данные клинописных текстов об их населении в III – начале I тыс. до н. э. исключают присутствие среди него индоевропейцев в целом, выделившихся из их среды основных или еще малорасчлененных тогда групп и более поздних обособившихся племен – кроме отдельных, безусловно, не являвшихся тут аборигенами и появившихся уже в историческое время².

По упомянутому мнению об арианизации степей, одновременно со становлением там производящего хозяйства вместе с навыками скотоводства, земледелия, металлургии и т. п. местное население восприняло у ариев и отсутствовавшую у него ранее соответствующую терминологию. Это общее соображение также не подтверждено какими-либо конкретными данными. Согласиться же с ним невозможно по многим причинам и, между прочим, потому, что индоиранская терминология, связанная с этими отраслями хозяйства и даже с более развитыми экономическими и социальными достижениями, бытовыми условиями, идеологией и т. п., лежит в основе либо общеиндоевропейского происхождения, либо разделяется арийскими языками с некоторыми другими индоевропейскими. Значит, все это было известно ариям в эпоху единства или продолжавшегося соседства с другими индоевропейцами. Поэтому, если принять упомянутое мнение об арианизации степей с юга Средней Азии и Восточного Ирана, это привело бы к выводу, что эти области были родиной не только ариев, но и других индоевропейцев, включая славян, балтов, германцев, кельтов, италийцев и др. Подобное заключение, естественно, противоречило бы самым различным фактам из истории индоевропейцев и в частности не только обычной локализации их общей прародины, но и независимым данным о местоположении тех или иных индоевропейских групп в последующие эпохи. Так, предки только что названных народов еще долго сохраняли тесные взаимосвязи, а их диалекты незначительно отличались друг от друга. По различным основаниям, в том числе по материалам европейской гидронимии, эта общность располагалась в Центральной Европе или также в примыкающих (и, безусловно, тоже «лесных») районах. Время бытования этой общности (называемой «среднеевропейской» и т. п.) никак не позволило бы провести ее в предшествующие периоды

через степи из Средней Азии, тем более учитывая, что кроме юго-западной окраины Средней Азии далее к северу долго обитали охотники, рыболовы и собиратели (когда индоевропейцы уже давно обладали достаточно развитыми формами земледельческо-скотоводческого хозяйства). Поэтому предки указанных народов не могли бы тогда пройти по этой зоне с границ Иранского нагорья в Европу (как и арии не могли проделать этот путь в обратном направлении в то время; ср. ниже). Такому распространению «среднеевропейцев» препятствовали бы и многие другие факты, в том числе лежащие в основе уже упоминавшихся выводов о хозяйственных и экологических различиях, устанавливаемых для ариев, с одной стороны, и большинства остальных индоевропейцев – с другой. Свойственная последним, в том числе и особенно «среднеевропейцам», линия развития не показывает в этом отношении какого-либо существенного разрыва в сравнении с условиями индоевропейской эпохи. Это касается и хозяйства (причем с сохранением многих индоевропейских земледельческих традиций) и природы (к тому же явно в «лесном» окружении). Для ариев же весьма рано или исконно было характерно значительное отклонение от этих хозяйственных традиций и экологического фона. Так что и по этим причинам предки славян, германцев, кельтов и других индоевропейских народов не могли бы после индоевропейской эпохи расселяться и обитать на степных территориях к северу от Средней Азии и Кавказа, Каспийского и Азовского морей. И, напротив, арии со свойственным им хозяйственно-культурным типом могли совершить этот путь и действительно проделали его, долгое время обитая в степной зоне.

Напомним теперь некоторые из фактов, которые и независимо от выводов об индоевропейской прародине и вытекающих из них положений о расселении индоиранцев свидетельствуют об их обитании в северных степях. Заметим сначала, что, по данным письменных источников и ономастическим материалам, в Северном Причерноморье еще до появления собственно скифов и савроматов находилось ираноязычное население, в частности говорившее на диалектах без ряда скифо-сарматских особенностей (разделявшихся и собственно скифским), и что к ираноязычным племенам должны быть отнесены также киммерийцы; уже по этим данным, по крайней мере в конце эпохи бронзы, на рубеже II–I тыс. до н. э., иранские племена обитали в европейских степях. Лингвистические данные индоевропейистики свидетельствуют о многочисленных и системных ареальных (не являющихся общеиндоевропейскими) связях с рядом языков Европы: во-первых, арийского в целом, во-вторых, уже независимо от индоарийского – общеиранского и, наконец, уже без иных иранских языков – лишь отдельных из них; здесь особенно показательны

установленные в недавнее время по материалам осетинского многие изоглоссы со «среднеевропейскими» языками, в том числе определенно указывающие на контакты в пределах II тыс. до н. э. Эти данные хронологически примыкают к упомянутым выше материалам исторической эпохи, позволяющим говорить об ираноязычном населении на юге Восточной Европы в конце II – начале I тыс. до н. э. А все указанные выше данные могут свидетельствовать, что племена индоиранского происхождения целиком не покидали европейской части степной зоны, но происходило расселение оттуда их отдельных групп (то же относится и к иранцам после того, как предки индийских ариев уже ушли из Европы).

К тем же выводам приводят и еще более характерные свидетельства финно-угорских языков. В них, как известно, выявлено большое число индоиранских заимствований, в том числе определенно общеарийского и затем иранского происхождения. Некоторую группу слов иногда также считают воспринятой из праиндоарийского, но критерии для таких определений не вполне определенны; если все же согласиться с ними, это было бы дополнительным указанием на выделение будущих индоариев еще в пределах Европы. В ином случае те же слова или по крайней мере часть их (в том числе с арийским *s*, сохранявшимся в индийском, но перешедшим в *h* в иранском) увеличивают фонд общеарийских заимствований в финно-угорские языки. Таким образом, эти языковые контакты, происходившие в общеарийскую и затем в иранскую эпоху, должны были осуществляться на границах лесной зоны Поволжья и Урала (и не далее к востоку). К таким вполне надежным свидетельствам можно было бы добавить другие, которые, возможно, указывают на пребывание арийских или протоиндоарийских и протоиранских племен к северу от Кавказа и, по иным данным, на северо-востоке евразийской степной зоны. Но эти данные неопределенны или единичны; само пребывание племен арийского происхождения в упомянутых северо-восточных степных районах возможно, но они были бы тогда продолжением того «арийского мира», который имел контакты с финно-угорскими племенами северо-востока Европы.

В отличие от северной степной зоны не имеется никаких данных о распространении арийских языков в доисторическую эпоху в земледельческом ареале юга Средней Азии и Иранского нагорья. Но даже если условно допустить такую возможность, все равно придется признать, что одновременно эти языки бытовали в степной зоне, причем, безусловно, и в общеарийскую эпоху.

Теперь следует подчеркнуть, что для индоиранцев – предков ариев Индии и племен иранской группы – характерны единообразие и глубокие

до многих деталей черты сходства в хозяйстве, быте, обычаях, социальном строе, культуре, религии и т. п. Это ясное и достаточно хорошо известное положение не нуждается в специальной аргументации (и если те или иные выводы о расселении индоиранских племен входят в противоречие с ним, то не из-за того, что оно вызывает сомнения, а лишь потому, что просто не учитывается). Бесспорным представляется также существование индоиранского единства как реального исторического комплекса, возникшего на основе интенсивных связей и общего развития на определенной и единой в хозяйственно-культурном отношении территории. На ее степной характер могут непосредственно указывать данные о хозяйстве и быте ариев. Но и независимо от этого само единство их культуры по всем ее показателям ясно свидетельствует, что из двух синхронных и разнородных по общему культурному и социально-экономическому облику типов, которые представляют древние земледельческие цивилизации юга Средней Азии и Ирана, с одной стороны, и северные степные культуры – с другой, арии по происхождению могли быть связаны лишь с одним. Предположение, что их разные группы жили в совершенно различных культурно-хозяйственных условиях, недопустимо для того периода, пока формировались общеарийские языковые особенности и вместе с тем социальные, хозяйственные, культурные и другие черты, характерные для индоиранцев в целом, т. е. для эпохи арийского единства. А как мы видели, индоиранские языки были тогда распространены в степной зоне, и поэтому неизбежен вывод, что арийские племена в ту эпоху обитали именно и только там (или, возможно, также в примыкающих однокультурных районах лесостепи).

По традиционным историко-лингвистическим аргументам, в том числе исходящим из большой близости языка первых памятников индоарийской и иранской словесности (конец II – первая половина I тыс. до н. э.), различные исследователи относят завершение индоиранской эпохи ко времени от 2000 г. до середины II тыс. до н. э. (на даты в таких пределах указывают и сведения ближневосточных текстов о языке переднеазиатских ариев). Эта датировка может быть подкреплена или уточнена с привлечением данных археологии. Имеется возможность сопоставить археологические материалы с территорий, где могли обитать индоиранские племена в арийскую эпоху, с теми конкретными чертами и общим уровнем развития хозяйства и социального строя, которые отражены и в индийской и в иранской традиции и были выработаны еще при общих связях всех арийских племен. Этот уровень социально-экономического развития в ряде отношений, конечно, уже намного превосходил общинно-европейский (хотя частично такие особенности возникли и развивались

у ариев еще при контактах с предками некоторых исторически известных индоевропейских народов Европы).

В других работах мне уже приходилось отмечать, что археологические материалы из европейских степей конца III – середины II тыс. до н. э. свидетельствуют о развитии общества, которое вполне может соответствовать индоиранскому по своему уровню и ряду особенностей, которые его характеризовали и были необходимы для его функционирования. Скажем здесь несколько подробнее лишь об одной из общеарийских «реалий» – боевой конной колеснице, с которой в индоиранской традиции тесно связаны важные обычаи и институты, лежащие в основе многих общих социально-политических представлений, мифологических образов, оборотов религиозно-поэтического языка и т. п.

Тут уместно остановиться на упоминавшемся мнении, что более высокого социального уровня, устанавливаемого сравнением данных вед и Авесты, из всех ариев достигли лишь предки ведийцев и той части иранцев, общество которых отражено в Авесте, и что это произошло в условиях социально стратифицированной цивилизации, в которых они оказались, продвинувшись в области древних культур на юге Средней Азии и Иранском нагорье. По тому же мнению, колесницы на своей арийской родине они не знали и познакомились с ней в Иране или на его окраинах. Одновременно полагают, что конная колесница была изобретена в Передней Азии или в ее горных районах, а затем распространилась в другие страны. Сторонники этого положения, противостоящего мнению о введении коневодства и боевой колесницы индоевропейцами или именно ариями, указывают, что до появления последних в Передней Азии существовали коневодство и колесница, а задолго до этого и колесный транспорт. Но уже сама эта постановка вопроса не вполне правомерна, и на заре истории те или иные хозяйственные и другие достижения, будучи введены в одном историко-географическом районе, достаточно быстро получали распространение и в соседних (если, конечно, там имелись к этому необходимые социально-экономические предпосылки и потребности). Колесный транспорт в Европе распространился, видимо, действительно при влияниях из Передней Азии, но это произошло уже за много веков до начала II тыс. до н. э., как показывают и археологические материалы, и сравнительные данные индоевропеистики. Напротив, коневодство, по тем же свидетельствам, было там распространено гораздо ранее, чем в Передней Азии, и, очевидно, вообще возникло впервые в областях к северу от Черного моря и в соседних районах. На этих территориях имелись и другие условия, необходимые для появления боевой колесницы.

Широкое употребление колесницы в военных целях и сопутствовавшее ему интенсивное развитие коневодства на Ближнем Востоке началось в относительно короткий период времени перед серединой II тыс. до н. э. Особую роль при этом играли новые на соответствующих территориях племена, в том числе или прежде всего арии и рано вошедшие с ними в контакт народы. Бесспорные данные о проникновении в древние местные языки ряда стран Передней Азии связанной с коневодством арийской лексики и специальной терминологии ясно показывают, что арии принесли с собой неизвестные там ранее навыки коневодства, применения колесницы, тренировки упряжных лошадей и т. п. С другой стороны, современные археологические материалы свидетельствуют, что распространившиеся около середины II тыс. до н. э. на Ближнем Востоке приемы взнуздывания лошади и элементы конской сбруи связаны с теми, которые бытовали в ряде областей Европы. Но здесь для нас важен даже не вывод о «приоритете», а сам факт, что конная колесница уже использовалась тогда в этих европейских областях, и именно в тех, где по упоминавшимся выше основаниям должны были обитать индоиранские племена в арийскую эпоху.

Историко-лингвистические данные также противоречат мнению, что арии в ту эпоху не знали колесницы. По различным причинам не может быть принято и положение о том, что особенности социально-экономического строя, реконструируемые по материалам вед и Авесты, были характерны лишь для «ведийцев» и «авестийцев». К тому же последние, принадлежа к иранской ветви ариев, пережили вместе с другими иранцами последовавшую за индоиранской общеиранскую языковую эпоху, когда также произошли различные хозяйственные, военные, социально-идеологические, религиозные и тому подобные нововведения, причем сама Авеста отражает такие традиции, более поздние или вторичные в отношении общеарийских, и в том числе возникшие позже, чем освоение боевой колесницы. Уже поэтому общие по происхождению черты общества, прослеживаемые по сравнению данных вед и Авесты, должны быть свойственны и иранцам в целом.

Элементы той же общественной структуры и отражающей ее идеологии устанавливаются также по сведениям о других ираноязычных группах, по материалам их языка и эпической традиции. Это относится, например, и к развивавшимся долгое время именно в степи племенам скифской ветви (ср. данные античных авторов, скифо-сарматской ономастики, осетинского языка и нартовского эпоса), и к западным иранцам: античные сообщения о мидянах и персах и ахеменидские надписи (скудные по объему, но, в частности, отражающие соответствующие ведийским

представления и формулы той же арийской социальной идеологии) тут дополняются ономастическим и лексическим иранским материалом из текстов на иных восточных языках. Так, недавно опубликованные эламские тексты из Персеполя на обширном материале подтвердили, что древнеперсидский язык обладал разнообразной политической, социальной и тому подобной терминологией, унаследованной от индоиранской и общеиранской эпох; сюда входят и новые свидетельства арийских традиций в использовании колесницы – дополнительные данные о бытовании как самого ее названия, так, например, и термина *ратайиштар* («стоящий на колеснице»). В Авесте это слово – наиболее частое техническое обозначение членов касты военной аристократии, а его индийское соответствие встречается в перечислениях тех же каст («варн») на месте более обычного «кшатрий». Соответствие последнему термину также известно для западноиранского, а от эквивалента индийскому *киштра* (означавшего, в частности, функцию этой касты, ее название и пр.) образовано осетинское эпическое имя группы нартовского общества, наделенной качествами индоиранской военной знати; предкам скифо-сармато-осетинских племен была известна и колесница под ее арийским названием. Здесь упомянуты лишь единичные факты такого рода; вообще же говоря, в настоящее время многие подразумевавшиеся выше черты арийского общества могут быть установлены и без ссылок на Авесту, лишь на основе сравнения иных (помимо авестийских) иранских данных с древнеиндийскими.

Так что упомянутая социальная структура (включавшая и сражавшуюся на колеснице знать), реконструируемая по данным вед и Авесты, должна быть возведена к общеарийскому периоду. Мнение же о том, что она возникла лишь у части арийских племен на юге Средней Азии и Иранском нагорье, не подкреплено конкретными доказательствами, а основано лишь на убеждении, что этот относительно высокий уровень общественных отношений мог быть достигнут только в условиях древних культур земледельческого ареала Востока. Но как раз они по своему социальному и всему хозяйственно-культурному облику, видимо, не могут соответствовать общему типу и отдельным чертам арийского общества. Напротив, степные культуры, как уже отмечалось, и по социальным показателям вполне удовлетворяют общим и частным характеристикам этого общества, что становится еще более очевидным в настоящее время.

Вернемся к тому же примеру с колесницей. Известные в начале 60-х годов археологические материалы еще тогда позволяли считать, что в Поволжье и соседних районах конная колесница применялась уже к середине II тыс. до н. э., а судя по некоторым находкам элементов конской

сбруи, и ранее и что такие данные для того времени должны указывать не на всадничество, а на колесничье дело. Теперь в бытовании колесницы на территориях от Поволжско-Уральских степей до Северного Причерноморья можно убедиться «наглядно», в частности по изображениям на сосудах колес со спицами и самой колесницы, и тем более по открытым следам колесницы на колесах со спицами в одном из могильников Зауралья. Тут нет необходимости подробнее останавливаться на этих уже хорошо известных находках. Но следует подчеркнуть, что наличие колесницы не только говорит о бытовании ее самой как одной из арийских реалий, но подразумевает существование военной знати и, например, также металлических орудий, развитого ремесла или некоторых его отраслей и соответствующих профессионалов-ремесленников. Все это независимо устанавливается и по индоиранской традиции (военная аристократия с племенными вождями из ее среды; металлургия; ремесленники, а именно плотник, в Ригведе изготавливающий колесницу и обозначаемый термином с иранским соответствием), и по археологическим материалам из упомянутой степной зоны; так, захоронения, свидетельствующие о социальном неравенстве или о выдающемся положении погребенного в племенном обществе, известны там и намного ранее, и в эпоху, для которой имеются данные о колеснице, включая богатые погребения с двумя конями и элементами сбруи из Поволжья, и материалы из упомянутых зауральских захоронений с колесницами, по иным особенностям также указывающие на принадлежность воинам-аристократам; о существовании металлургов говорят само развитие металлургии и металлоизделия, погребения, мастерские литейщиков и пр., а о плотниках или колесных мастерах – те же данные о колесах со спицами и колесницах (зато и общая индоиранская традиция, и степные культуры не знают профессионалов-гончаров и посуды, изготовленной на гончарном круге; заметим, что тот же тип ремесел сохранялся в степи и позже, в том числе в скифо-сарматскую эпоху).

Эти и иные данные, как и само существование колесницы, определяют уровень общественного развития, выше которого общеарийская традиция, в сущности, и не требует; нет также таких единых индоиранских социально-политических особенностей, которые нельзя было бы предполагать для упомянутых степных культур, а в ряде случаев их материалы прямо указывают на социально-экономические явления, устанавливаемые и для индоиранской традиции.

В культурах европейских степей и соседних на западе районов упомянутые черты в целом выступают как результат местного хозяйственного и социального развития со времени задолго до II тыс. до н. э. Эти процессы проходили при взаимосвязях на указанных территориях, а к перио-

ду бесспорного бытования колесницы относятся устанавливаемые по различным данным, и в том числе по формам деталей конской сбруи, активные контакты на пространствах от восточноевропейских степей до Подунавья и юга Балкан. Такие факты могли бы быть сопоставлены с лингвистическими данными о продолжавшихся после распада индоевропейского единства ареальных связях ариев и части других индоевропейских племен, включая греков. Сюда можно отнести и некоторые связанные с освоением колесницы традиции коневодства, тренировку лошади, представления об особом отношении колесничного воина к его боевым коням, ряд мифологических и идеологических представлений, отраженных и в отдельных языковых изоглоссах, и т. п. (или, например, также общее греко-арийское обозначение упоминавшегося «плотника»). Все это могло бы служить и дополнительным аргументом продолжения контактов ариев с индоевропейцами Европы до первой половины II тыс. до н. э. (весьма веским выглядит также акцентированный недавно довод, по которому греки с их коневодческими и колесничными традициями не могли находиться в Греции ранее XVII–XVI вв.; вместе с тем относящиеся к XVI в. первые археологические материалы из Греции, свидетельствующие об этих традициях, одновременно отражают культурные связи, в том числе по типу псалиев и ритуалу конских захоронений, с указанными европейскими областями вплоть до Урала).

Если такие выводы еще требуют более развернутого историко-лингвистического обоснования ареальных связей ариев по этим культурно-социальным показателям, то общеарийское происхождение колесничных традиций и иных упоминавшихся общественно-экономических черт в подобной аргументации не нуждается. Вместе с тем, как мы видели, из других данных следует, что арии в индоиранский период обитали в степной зоне. Поэтому время развития в этих областях соответствующих социально-экономических особенностей, в том числе связанных с введением колесницы, дает и *terminus post quem* для начала расселения ариев на более отдаленных и инородных в хозяйственно-культурном и социальном отношении территориях. Имеющиеся свидетельства о колеснице и ранние формы псалиев, распространенных от Урала и Волги до Балкан, могут быть датированы в пределах второй четверти II тыс. до н. э. Быть может, произойдет определенное углубление дат за счет новых открытий или некоторого удревнения археологических материалов из Юго-Восточной Европы³. Но и тогда нужно будет иметь в виду по крайней мере первую или также часть второй четверти II тыс. до н. э.

Как уже говорилось, по независимым историко-лингвистическим данным распад арийского единства относят ко времени в пределах первой

половины II тыс. до н. э. Итак, по различным основаниям можно утверждать, что арийские племена еще не покидали степной зоны по крайней мере в первой четверти II тыс. и соответственно еще не могли тогда находиться в областях древнего земледельческого ареала на юге Средней Азии и Иранском нагорье. Это также противоречит теориям об арийской принадлежности культур Намазга IV–V, Гиссар III и др., эпоха которых завершилась в первых веках II тыс. до н. э.

Вместе с тем запустение ряда центров этих культур и конец индской цивилизации примерно в то же время не должны рассматриваться как свидетельство вторжения ариев; эти явления были следствием процессов предшествовавшего развития населения Иранского нагорья и соседних областей (и лишь могли бы со временем облегчить распространение арийских племен на части таких территорий). Равным образом не обязательно полагать, что сразу после распада единства арийских племен часть их появилась на юге Средней Азии и в Иране, хотя по самому этому критерию возможность их проникновения туда со второй четверти – середины II тыс. до н. э. допустима. Она, правда, не кажется вероятной по иным основаниям (ср. ниже). Но даже если считать, что тогда на Иранском нагорье и в примыкающих областях расселялись арийские племена, упоминавшиеся археологические аргументы о таких миграциях, их направлениях и датах теряют какую-либо доказательную силу, ибо основаны на данных о распространении элементов культур типа Намазга IV–V и особенно гиссаро-горганского комплекса, развивавшихся в то время, когда местное население еще не могло быть арийским. Если же допускать, что такие культурные элементы, включая «серую керамику» и т. п., арии усвоили в этих областях или проходя через них в конце эпохи культур типа Гиссар III (подобные мнения также существуют), то ничто не препятствовало бы и предположению, что индоиранские племена либо «подключались» к таким внешним показателям культуры позже, либо вообще не играли какой-то особой роли в их распространении.

Постулируя мнение о пребывании ариев на юге Средней Азии и севере Афганистана в конце III–II тыс. до н. э., теперь нередко ссылаются на положение о раннем обитании индоиранцев в Северо-Восточном Иране, основанное на выводах о горганской культуре. Но само «удревнение» ариев в этих районах основано лишь на углублении дат серой керамики Горгана до последних веков IV тыс. до н. э. (в связи с новыми раскопками на главном тепе Горгана–Турент). Это, однако, лишь нагляднее показывает, что ее появление не связано с ариями. Они не могли бы попасть к тому времени в Горган даже при самых ранних существующих в литературе датах обособления индоиранцев от других индоевропейцев.

Кроме того, во второй половине IV тыс. до н. э. и еще долгое время спустя арии не могли бы проникнуть туда с севера и потому, что, как уже говорилось, в Средней Азии помимо ее южной земледельческой окраины тогда бытовали лишь культуры, которые по уровню хозяйственного развития никак не могли принадлежать ариям и вообще индоевропейцам (причем в IV и в большей части III тыс. до н. э. такие культуры простирались до лесных районов Урала и Зауралья). Вообще между зонами «производящего» хозяйства в Европе и на юге Средней Азии долго существовала обширная, постепенно сокращавшаяся территория «присваивающего» хозяйства. В Средней Азии неолитические культуры этого типа датируются временем до конца III тыс. до н. э. Но и независимо от абсолютной датировки устанавливается их синхронность, в том числе именно по керамическому материалу южного происхождения или отражающему его влияние, с комплексами серой керамики Горгана (Шах-тепе и др.). Так что еще долго после ее появления на поселениях Горгана последние были отделены обширными пространствами от районов возможного распространения индоевропейцев. Мы также видели, что в IV–III тыс. до н. э. ни арии, ни серая керамика не могли попасть в Горган и со стороны Западного Ирана (там эта керамика в небольшом числе появляется с начала II тыс., ср. ниже). Не приходится, понятно, предполагать и самозарождения ариев с имманентно присущей им «серой керамикой» на месте – в Горгане, Гиссаре и др. Вместе с тем сами материалы из Гиссара и Горгана достаточно ясно показывают, что замена расписной керамики нерасписной серой шла постепенно в течение многих веков без изменения других элементов культуры или при их последовательной эволюции. Как известно, давно даны вполне убедительные объяснения этой смене в керамике: помимо изменений стилей, эстетических вкусов, «моды» и т. п. имели значение также производственные причины, новые возможности и интересы профессионального ремесла и т. д. Все это легко объясняет появление и затем преобладание серой керамики в Горгане, в том числе на Туренг-тепе, после ее длительного сосуществования там с посудой обычного ранее типа, как показали и новые материалы с этого поселения.

Обобщая результаты этих новых раскопок, проводивший их исследователь в работе под названием «Новое свидетельство об индоевропейцах с Туренг-тепе. Иран» упоминает о таких возможных причинах появления серой керамики, но тут же предпочитает другое объяснение: «или иначе... эта сделанная на круге лощеная керамика» была принесена новым народом, т. е. «индоевропейцами». Слова «или иначе» не мешают затем автору в той же работе и ссылающимся на нее ученым говорить о раннем пребывании на северо-востоке Ирана индоевропейцев или ариев, хотя

«доказательством» этого служит лишь указанное изменение в типе посуды. Но и по материалам с Туренг-тепе остается совершенно немотивированным сам вывод о новом населении, а единственный конкретный довод в пользу его арийской атрибуции состоит в ссылке на положение, по которому миграция иранских племен на северо-запад Ирана сопровождалась широким распространением там серой керамики (через 2000 лет после появления подобной керамики в Горгане!). К теории о связи западных иранцев с серой керамикой мы обратимся далее; здесь же заметим, что в IV тыс. до н. э. арии – а для того времени, точнее, их предки – не могли принести с собой «сделанной на круге» посуды, так как не изготавливали ее и много позже (можно ставить вопрос о том, когда профессионалы-гончары появились у ариев Индии и тех иранцев, которые оказались в южных странах, но эти традиции, безусловно, не были ни индоиранскими, ни общеиранскими).

Помимо того, что население Горгана в конце IV – начале III тыс. до н. э. не могло быть арийским или «индоевропейским», нет оснований связывать появление там серой керамики с проникновением любого нового этноса. Вообще введение и распространение неизвестной ранее техники керамического производства и ее приемов, новых форм и орнаментации посуды (а также форм металлоизделий и ряда иных элементов материальной культуры) вполне обычно происходили в среде местного населения в ходе его культурно-экономического развития и связей с соседями. Это хорошо известно для разных стран и эпох и может быть легко показано на материалах с Иранского нагорья и примыкающих территорий начиная с первых этапов керамического дела, которые проходили в областях, включавших и районы иранского Загра.

Появление глиняной посуды в иных районах и других странах не было, по крайней мере в большинстве случаев, результатом миграции туда населения, уже изготавливавшего эту посуду. Равным образом, если в одних местах Загра керамика появляется ранее глинобитного и сырцового строительства, а в других – позже, а затем повсеместно распространяется и то и другое, то, понятно, не вследствие расселения единого народа, происходившего либо от групп с ранними «керамическими», либо от этноса с «глинобитными» традициями. Украшение посуды росписью, сначала примитивной, затем более совершенной, также возникло ранее в одних районах, а в других было результатом заимствования. В иракском Загре на Джармо с определенного этапа развития и без нарушения линии местной эволюции появляется глиняная посуда, причем уже с росписью, ранее бытовавшей в иранских районах. Эти факты относятся к раннему времени, но и они показывают, что орнаментация керамики, техника ее

изготовления и формы не являются этническими показателями, за которые держалось именно то население, у которого они впервые были выработаны.

Много позже, когда время возникновения соответствующих производств осталось далеко позади, относящиеся к ним нововведения обычно также распространялись путем заимствований и взаимовлияний. И в связи с иранскими археологическими материалами некоторые специалисты подчеркивают, что распространение керамических типов и некоторых иных культурных особенностей происходило, как правило, в результате торговых и иных контактов при сохранении других местных элементов материальной культуры, указывающих на преемственность населения и менее подверженных влиянию «моды», торговых взаимоотношений и т.п. Создание обширных «керамических» провинций, обладавших и иными кроме однотипной посуды общими чертами, могло идти различными путями и занимать разное по протяженности время. Так, в Кермане, на Тали Иблисе, прослежено первоначальное появление в очень малом проценте импортной керамики, затем ее постепенное увеличение в числе и, наконец, преобладание уже с определенным изготовлением на месте (т. е. включение района Иблиса в данную керамическую культуру). Вообще можно сказать, что образование на территориях Ирана и соседних стран подобных «культур» (часто именуемых по типу характерной керамики) без этнических перемен было обычным правилом, а не исключением. Что касается самой керамики, ее новых типов и стилей, то это устанавливается и для времени до введения гончарного круга, и еще более определенно для периодов после его распространения, что в ряде областей Ирана, в том числе на северо-востоке, произошло уже в первой половине – середине IV тыс. до н. э.

То обстоятельство, что образование больших культурных, или «керамических», общностей обычно не было следствием миграций и ассимиляции местного населения, а сами эти общности, как правило, были разноэтничными, подтверждается и при возможности привлечь сведения письменных источников. Для запада Ирана и соседних районов Передней Азии такие данные появляются с III тыс. до н. э., а иногда могут быть перенесены и на конец «дописьменной» эпохи. В конце IV тыс. ряд единых типов керамики и иных особенностей культуры распространился на Шумер, Элам и некоторые другие иранские области, судя по упомянутым данным, с нешумерским, а также неэламским населением. В Северо-Западном Иране к началу I тыс. до н. э. кроме тогда еще новых там иранских племен только по дошедшим крайне фрагментарным данным известно не менее шести-восьми разных по происхождению этноязыковых

групп, обитавших там со II или III тыс. или ранее. А больших «керамических» культур в отдельные эпохи на протяжении этого времени было гораздо меньше, порой одна-две на всю территорию. Для некоторых народов, например луллубеев, известных, как и кутии, с III тыс. до н. э., можно утверждать, что, сохраняя свою этническую принадлежность, они жили в условиях ряда последовательно сменявших друг друга подобных культур. Так, в первой половине II тыс. они, очевидно, пользовались «хабурской» керамикой. О последней можно сказать особо, ибо она имеет отношение к мнениям о переднеазиатских ариях и атрибуции «серой» керамики.

Керамика «хабурского» типа была широко распространена на севере Ирака и Сирии и известна в соседних районах Турции и Ирана. Ее часто связывают именно с хурритами и затем с Митаннийским царством, основанным ими, и с ассимилировавшимися в их среде ариями. Приписывая эту керамику по происхождению хурритам, ее считают свидетельством их распространения и в районах Ирана (или проникновения туда) – к югу от Урмии, где такой керамический комплекс выявлен для периода Хасанлу VI (лучше изученного на соседнем Динка-тепе; по сборам эта керамика известна также далее к югу от озера), и даже до северо-востока Луристана – по наличию в Гияне II типа подобной посуды.

Хурриты действительно обитали в ряде районов ареала «хабурской» керамики, но жили и за его пределами; уже поэтому она не могла быть общехурритской, а перешедшие к ней хурриты в любом случае должны были отойти от предшествующих керамических традиций. Зато той же керамикой пользовались иные этноязыковые группы, в том числе северные аккадцы и амореи, а на востоке – нехурритские и несемитские народности ирако-иранского Загра; перейдя к ней, они также сохранили свою этноязыковую принадлежность и оставались аккадцами-ассирийцами, луллубеями и др. после того, как она вышла из употребления. Но и по происхождению ее нельзя считать хурритской. Она уже бытовала два-три столетия до возникновения в XVII–XVI вв. до н. э. царства Митанни, а перед тем хурриты не преобладали в основном ареале «хабурской» керамики, и там уже ранее распространилось семитоязычное население. Найденные с этой керамикой тексты из ряда мест относятся к XIX и XVIII вв. и ко времени гегемонии семитских центров и правителей. Большая часть этого ареала находилась, как недавно отметил один из исследователей хабурской керамики, под политическим контролем семьи аморея Шамши-Адада, который сам царствовал в Ашшуре. Но появилась эта керамика еще ранее; в ее распространении могли играть роль торговые связи, в том числе осуществлявшиеся Ашшуром; однако и он до Шамши-Адада не обладал господством на значительных территориях. Вместе с тем «хабур-

ская» керамика появилась примерно одновременно в разных районах, причем и в Иране, где для периода Хасанлу VI серия радиоуглеродных, а также термолюминесцентных дат указывает в целом на ту же эпоху ее бытования, что и на западе. Все это не дает оснований говорить о «вторжении» хурритов в Иран во время появления там этой керамики; не существовало и особого «народа, изготавливавшего хабурскую керамику», а Сама эта керамическая общность была многоэтничной со времени своего становления. Хурриты же не могли играть особой роли в распространении этой керамики, тем более на ранних этапах ее бытования. В Митаннийском царстве она употреблялась, но не из-за особой связи с хурритами или именно митаннийцами, а потому, что была распространена в областях, вошедших в это царство, задолго до его возникновения. Более того, вскоре после его возвышения около 1550–1500 гг. до н. э. собственно «хабурская» керамика как раз вышла из употребления.

Эта культурно-керамическая общность и многие другие в Иране и соседних странах создавались на определенных территориях в результате экономических, торговых, культурных и других контактов, а также единых ремесленных традиций в связанных подобными контактами районах. Этническое родство или миграции обычно не определяли возникновения таких археологических «культур», в том числе отличающихся большим сходством ведущих типов глиняной посуды или всего керамического комплекса, ряда иных элементов материальной культуры, металлоизделий и т. п. Между тем факты подобного рода и лежат в основе ряда теорий о появлении индоиранских племен и их расселении на Иранском нагорье и в примыкающих районах; при этом выводы большей частью основываются на более ограниченных аналогиях, например аналогиях в отдельных формах «гиссарских» изделий или по общему типу «серой» керамики. Но даже если полагать, что она в разных областях Иранского нагорья в конечном счете восходит к горгано-гиссарской, это указывало бы прежде всего на широкое распространение таких традиций гончарного ремесла и соответствующей техники или вместе с ней также некоторых форм посуды. Для III–II тыс. до н. э. серая керамика в большем или меньшем проценте известна в различных районах Ирана и соседних стран, как и близкие гиссарским формы металлоизделий и керамики. Часть этих районов не принадлежала к областям раннего распространения индоиранских племен даже в начале их письменной истории. В других районах эти племена к тому времени известны, но это не дает оснований устанавливать время и направление их миграций по указанным археологическим данным. Так обстоит дело и с определением пути ариев в Переднюю Азию к середине II тыс. до н. э., и с распространенными выводами о вре-

мени появления иранских племен на западе Ирана, а также о территориях, откуда шло их расселение. Эта наиболее разработанная теория о западных иранцах является и основной опорой всей концепции об арийской принадлежности серой керамики Ирана и соседних стран (начиная с ее появления в Горгане, ср. выше).

По этой теории, культура Западного Ирана к началу мидо-персидского господства представляет результат развития культуры страны на протяжении раннего «железного века» (ЖВ); в период ЖВ II (X–IX вв.), когда мидяне и персы уже упоминаются в источниках, на северо-западе Ирана широко употреблялась серая керамика, как и в период ЖВ I. Вместе с тем акцентируется разрыв в культурной эволюции с более ранней эпохой (когда в тех же районах была распространена расписная керамика); это рассматривается как следствие появления нового, иранского этноса, и за его счет относится постулируемое культурное единство в период ЖВ I; в этом случае иранцы должны были широко расселиться по Северо-Западному Ирану к началу ЖВ I, т. е. около 1350–1300 гг. до н. э. (а с коррекцией к карбонным датам – на столетие ранее). Материальная культура этого периода связывается с северо-востоком Ирана, и из районов Гиссара и горганской культуры выводится сам серокерамический комплекс Центрально-Северного и Северо-Западного Ирана, из чего следует вывод о распространении таких культурных элементов с востока вместе с продвижением народа – инициатора и основного носителя культуры ЖВ I на западе, т. е. тех же иранских племен.

Эта внешне стройная концепция выдержана вполне в духе разбираемой методики решения на археологическом материале проблем происхождения индоиранцев. Переходя к ее оценке, заметим сначала, что, даже если принять лежащие в ее основе археологические выводы, из них отнюдь не вытекают бы упомянутые исторические заключения; восточное происхождение серой керамики не означало бы прихода иранцев или иного народа с северо-востока Ирана (а лишь свидетельствовало бы о распространении оттуда данной керамической техники и ремесленных традиций), а культурное «единство» в Центрально-Северном и Северо-Западном Иране никак не доказывало бы, что его основным представителем был какой-то единый, а именно иранский этнос; как мы видели, такие обширные культурно-керамические общности в доисторическом Иране были обычно многоэтничными, а по данным текстов начала I тыс. до н. э. это не вызывает сомнений и для Северо-Западного Ирана. Установление же такого единства с новыми чертами само собой подразумевало бы отличие по тем же особенностям от предшествующей эпохи.

Но сами выводы о разрыве преемственности в сравнении с этой эпохой и единстве культуры периода ЖВ I явно преувеличены; тем более нельзя согласиться с мнением об особой роли восточных влияний при сложении материальной культуры этого периода на северо-западе Ирана. Наряду с развитием местных традиций большое значение имели связи в иных направлениях, включая традиционные для этой части Ирана связи с севером Передней Азии (они отмечаются и сторонниками рассматриваемых теорий, но тоже не дают основания предполагать переселения, идущие навстречу миграциям с востока). Вместе с тем важные особенности культуры ЖВ I, в том числе хозяйственно-бытовые и в погребальном обряде, отличны от характерных для культуры Гиссара – Горгана. Сходные же черты керамических комплексов являются слишком общими и широко распространенными, чтобы говорить о прямой генетической зависимости. Ее не позволяет предполагать и хронологический разрыв между концом культуры Гиссара III и началом периода ЖВ I на западе (а относить этот разрыв за счет еще не открытых памятников с серой керамикой на промежуточной территории Центрально-Северного Ирана нельзя и потому, что, как теперь известно, там перед эпохой ЖВ I бытовала полихромная керамика, сходная с распространенной на территории Иранского Азербайджана и соседних районов Турции).

Отмечая подобные факты, некоторые из специалистов по археологии Ирана, следующие мнению о связи серой керамики с «индоевропейцами», ариями и западными иранцами, не настаивают на происхождении последних из районов Гиссара и Горгана. Так, указывая, что восточные памятники культуры ЖВ (Хурвин, Сиалк и др.) не дают специфических аналогий с комплексами Гиссара и Горгана и что различные серокерамические памятники Ирана конца II – начала I тыс. до н. э. обладают связями, в том числе в области металлоизделий, с северо-западом, Закавказьем и т. д., допускают, что иранцы могли проникнуть в Иран через Кавказ. В другом случае подчеркивается, что, кроме сходства нескольких форм сосудов, нет иных оснований выводить западных иранцев с северо-востока страны и что культуры западноиранских памятников и Гиссара III несопоставимы друг с другом, а по иным связям тех же памятников предполагается миграция иранцев именно через Кавказ; но и при этом уже ранние комплексы с серой керамикой в Западном Иране, включая Хасанлу V, считаются принадлежащими иранцам; остается, правда, неясным, почему тогда западные иранцы, проникнув в Иран из южнорусских степей, проявили «ту же привязанность» к серой керамике, которую обнаруживали ранее индоарии на Иранском нагорье и в Митанни (ср. ниже); но, во всяком случае, и в рамках этой археологической аргументации подчеркнуто

отсутствие реальных доказательств восточного происхождения культуры серой керамики Западного Ирана. Еще один видный специалист по иранской археологии отмечает, что формы керамики периода Хасанлу V во многом могут быть возведены к бытовавшим ранее у оз. Урмия и в соседних районах и что комплекс нерасписной посуды эпохи ЖВ I мог возникнуть в результате утраты росписи местной предшествующей керамикой; но, учитывая такую возможность, он предпочитает объяснять появление памятников типа Хасанлу V проникновением нового, пользовавшегося серой керамикой народа в результате его продвижения, начавшегося из ареала горганской культуры.

Как уже говорилось, помимо иранцев вместе с серой керамикой «ведут» с востока более ранние группы ариев, а именно тех, которые известны в Передней Азии в середине II тыс. до н. э. В общем плане такие отождествления исходили из мнения о связи с «индоевропейцами» или индоиранцами серой керамики на северо-востоке Ирана уже в III тыс.; указывая для последующего времени на ее наличие в малом проценте далее к западу, предполагали инфильтрации небольших групп ее носителей до западных окраин Ирана и в соседние районы Передней Азии. Позже была выдвинута и более конкретная аргументация. Южнее Урмии в период Хасанлу VI вместе с «хабурской» бытовала в небольшом числе «серая» керамика. Указав для нее наряду с горгано-гиссарскими также на западные аналогии, исследователь Хасанлу сделал тем не менее вывод о проникновении, очевидно, с востока «малых» групп, принесших эту керамику «индоевропейцев», и о массовом вторжении народа, изготовлявшего хабурскую керамику, т. е. хурритов, с севера Месопотамии или юга Турции (даже соотношение иммигрантов тут определяется по удельному весу типов посуды в керамическом комплексе!). Это могло бы соответствовать данным о переднеазиатских ариях, растворившихся в хурритской среде. Такое положение и было конкретно сформулировано; вместе с «хабурской» «серая» керамика присутствует также на памятниках Северной Месопотамии, а именно в долине Хабура, т. е. близ центра Митанни; соответственно эта высококачественная серая керамика была определена как принадлежащая митаннийской аристократии, в основе происходившей из ариев, которые принесли далеко с востока эту посуду или привычку пользоваться ею. Таким образом определяется и путь этих ариев на запад, а также место их первых возможных контактов с хурритами – в районах у Хамадана, до которых при этом доводится хурритская экспансия (по наличию в Гияне типа керамики, близкой «хабурской», ср. выше).

Помимо иных оснований, не позволяющих принять эти положения, а также самой бездоказательности лежащей в их основе методики приме-

нительно к данному случаю отметим еще лишь следующее. Как уже говорилось, «хабурскую» керамику нельзя считать именно хурритской, и независимо от этого эпоха ее бытования приходится в основном на время до возникновения Митаннийского царства. Вместе с тем «серая» керамика входила составной частью в «хабурский» керамический комплекс и на севере Месопотамии, и к югу от Урмии, где она встречается вместе с собственно «хабурской» и иными видами входящей в это собрание посуды с самого начала периода Хасанлу VI. Таким образом, серая керамика бытовала задолго до митаннийской эпохи вместе с «хабурской», употреблявшейся в Месопотамии в ранний древнеавилонский и староассирийский периоды (причем и в долине Хабур, что установлено эпиграфически). Распространение же ариев, а точнее, лишь их влияния в Северной Месопотамии относится к более позднему времени и связано с иными историческими, военными и культурными событиями.

Но сам факт бытования серой керамики у северо-западных границ Ирана уже в начале II тыс. до н. э. представляет немалый интерес для рассматриваемой проблемы. Показательны и данные о ней того времени из района Хасанлу, где для последующих периодов (ЖВ I и II) получен материал, во многом определивший выводы о «серокерамической» эпохе на северо-западе Ирана. Эталонный памятник этой «культуры» Хасанлу V и IV согласно упомянутой атрибуции серой керамики теперь также обычно считают иранским или вообще принадлежащим новому в ареале народу, принесшему с собой эту керамику (хотя ранее по иным – и достаточно резонным – основаниям население Хасанлу IV предпочитали относить к доиранским этническим группам Северо-Западного Ирана и соседних областей Передней Азии).

При анализе западноиранской керамики «железного века», легшем в основу теории об «иранской миграции в Загр» с распространением там серой керамики, подчеркивался «культурный разрыв» между периодами Хасанлу VI и V на основе вывода о принципиальном различии их керамических традиций (причем считалось, что серая, а также краснолощенная и некоторые другие виды глиняной посуды появляются впервые в период V). Но скорее следует говорить о естественном при смене керамических общностей качественном различии, оформившемся в результате развития, в том числе за счет количественных изменений, местных традиций районов, вошедших в данную общность. В самом районе Хасанлу большую часть посуды в периоды VI и V–IV составляет желто-бурая (buff); часть ее в период VI – расписная, еще сохраняющаяся в малом проценте и в период V (по упомянутому выше мнению, это единственный признак преемственности периодов). Зато распространяющаяся с периода V красно-

лощенная посуда встречается, как недавно было указано, уже в период VI, и сама «серая» керамика (составляющая 40% в Хасанлу V–IV) тоже представлена в период VI (в 10% фрагментов и для 15% выявленных форм посуды с Динха). Некоторые керамические формы периодов V – IV также засвидетельствованы в эпоху Хасанлу VI, некоторые другие известны для того времени в соседних районах на памятниках с «полихромной» посудой; определенную роль играли и более отдаленные влияния – западные, восточные и иные. Но сам керамический комплекс Хасанлу V, очевидно, развивался на месте и в соседних районах, где, как и в ряде других областей в ту или иную эпоху, проходил процесс утраты посудой росписи в результате различных причин, включая интересы профессионального гончарного ремесла. К качественным видам его продукции и в хабурскую эпоху принадлежала монохромная серая керамика. Распространение ее также нет необходимости объяснять влиянием извне, тем более что она изготовлялась на северо-западе Ирана уже в начале II тыс. до н. э.

Итак, рассмотренный «керамический» аргумент никак не может доказать продвижения иранцев с востока на запад к началу «железного века». Других же конкретных оснований для мнения о такой миграции или вообще о появлении в то время иранских племен на западе Ирана практически не существует. Зато этому мнению противоречат иные данные, в том числе исторические источники конца II – первых веков I тыс. до н. э. Если бы возникновение культуры «железного века» было связано с приходом иранских племен, они, как отмечалось, преобладали бы на северо-западе Ирана не позже чем к рубежу XIV/XIII в. (а то и ранее на сто лет или еще раньше). Материалы клинописных текстов, однако, не позволяют считать, что ираноязычное население широко распространилось там ранее XI–X вв. Сведения о нем имеются в появляющихся с IX в. ассирийских и урартских источниках о ряде иранских областей. Но, по тем же данным, в IX–VIII вв. во многих районах еще сохраняли свои позиции старые этноязыковые группы. Процесс их замещения иранскими, в IX–VII вв. протекающий при свете данных письменных источников, не мог начаться с XIV/XIII в. (кроме того, о некоторых областях на западе Ирана, включая те, где в IX–VIII вв. засвидетельствован ираноязычный элемент, есть скудные сведения XII – начала XI в.; они указывают лишь на старые местные языковые группы).

Уже поэтому археологические памятники на северо-западе Ирана последних веков II тыс. до н. э. (в период ЖВ I) должны характеризовать прежде всего культуру автохтонного населения. А сопоставление сведений IX–VII вв. с археологическими материалами из ряда западноиранских областей показывает, что в то время (в конце ЖВ II и еще в период ЖВ

III) материальная культура этих областей в своих общих чертах была свойственна и аборигенным группам, и «иранцам», тогда уже обитавшим в Западном Иране. Историко-географические и соответствующие ономастические данные помогают также сделать важные выводы социально-экономического плана. Когда в IX в. появляются сведения о Северо-Западном Иране, в ряде его районов существовали образования государственного типа с «городскими» центрами; последние являлись и средоточием ремесленных производств. Эти ведущие политические единицы и экономические центры все или почти все в IX в., в большинстве в VIII в. и частично в VII в. принадлежали именно старому местному населению (иранцы же сначала не имели их, а кроме того, в IX–VIII вв. в ряде районов оказались в зависимости от усиливавшихся местных политических образований или от Ассирии и Урарту, подчинивших и ряд автохтонных центров). Так как местные «города» были также основными центрами ремесленного производства (достигшего к тому времени в Иране высокого уровня), то и тип продукции этих профессиональных ремесел, включая гончарное, еще в IX в. (а во многом и позже) должен был в основном определяться традициями аборигенного населения. Это относится и к культуре Хасанлу серокерамической эпохи XIV/XIII – IX вв. Там существовал центр городского типа, видимо, в период V и определенно в период IV, для которого выявлены мощные оборонительные стены и частично уходящие в предшествующий период монументальные здания дворцового и храмового облика (а также мастерская металлоизделий и керамики). Уже по этим и иным социально-экономическим показателям город нельзя считать принадлежащим ираноязычному населению, которое в то время еще не имело таких центров.

Имеется и другое, прямое свидетельство «автохтонного» происхождения города на Хасанлу. Там найдена каменная чаша (или крышка сосуда) с надписью, указывающей на принадлежность дворцу Баури, правителя страны Иды. Эта «страна» и «город» упоминаются и в ассирийских текстах IX в. как лежащие во «Внутренней Замуа» (далее от Ассирии, чем просто «Замуа»). В IX в. известно также «Море Внутренней Замуа» (причем, по данным 855 г., район Иды доходил до этого «моря»). Его отождествляли либо с Урмией, либо с небольшим озером Зерибор в горных районах далеко к югу от Урмии. Новая надпись и некоторые иные данные определенно подтверждают первое мнение. Не останавливаясь подробно на соответствующих материалах, отметим здесь лишь следующее. Маловероятно, чтобы каменную чашу доставили на Хасанлу откуда-то со стороны; при необходимости же выбирать лишь между местностями у Урмии и отдаленного Зерибора последняя возможность исключается. В со-

вокупности с ассирийскими данными чаша и ее надпись удостоверяют, что «Внутренняя Замуа» находилась близ оз. Урмия, которое и называлось по ее имени ассирийцами. В то же время из сведений об их походах далее на восток следует, что юго-восточные части Приурмийского района были заняты Маной и другими странами, граничившими на западе с «Внутренней Замуа». Сама же она лежала между «Замуа» (от района современного Сулеймание до верховьев Малого Заба) и Урмией, выходя к озеру в западной части его южного побережья. Среди местностей «Внутренней Замуа» владения Иды находились как раз рядом с этим «морем» и должны соответствовать району Хасанлу, а «город» Иды, представлявшей там основную силу с IX в., – самому тепе, где в X–IX вв. существовал главный городской центр этого района. Данное отождествление и документировано надписью на чаше с Хасанлу. Ономастический материал этой надписи и ассирийских текстов показывает, что население Иды не было ираноязычным на всем протяжении существования города на Хасанлу (погибшего в конце IX в.).

Так что и этот, «эталонный», памятник серокерамической культуры Северо-Западного Ирана принадлежал старому местному населению, причем оно употребляло и изготовляло серую керамику и на конечной фазе ее бытования в Иране. По приводившимся выше основаниям можно утверждать, что серая керамика использовалась в Иране неиндоевропейским населением и до и после прихода иранцев, перенявших ее у автохтонов вместе со многими другими особенностями материальной культуры. Когда же серая керамика вышла из «моды» в различных областях Ирана, она перестала употребляться там и иранскими племенами, и аборигенными этническими группами. В ряде таких районов вновь появилась расписная керамика. Ее также связывали именно с иранцами (или их расселением с востока Иранского нагорья), но относили при этом к более раннему времени в сравнении с современными датировками. Иранские племена, безусловно, уже обитали в Западном Иране и пользовались серой керамикой до того, как стала распространяться расписная, которая появилась и в местностях, все еще остававшихся «неиранскими», в том числе в районах Манейского царства, а также во владениях Урарту. Таким образом, эти сходные типы расписной керамики из разных областей дают еще один пример распространения керамических стилей безотносительно к этническим, а также политическим границам.

Археологическая культура Западного Ирана конца II – первых веков I тыс. до н. э. объединяет элементы различного происхождения, возникшие на базе местных традиций, влияний и связей в разных направлениях. Они могут частично отражать и вклад нового в ареале ираноязыч-

ного населения, но его материальная культура на нагорье во многом восходит к старой местной, черты же «иранского» происхождения также могли быстро заимствоваться автохтонами, а у самих иранцев воплощаться в местных технических и стилистических формах. Так что, если обращаться к предметам материальной культуры, следует прежде всего учитывать те, которые по своим функциям могут для того периода быть связаны с иранскими племенами. Так, известно об их роли в развитии всадничества и новых методов коневодства в ряде стран, в том числе в Передней Азии (вплоть до проникновения соответствующей иранской терминологии в местные языки). Поэтому элементы культуры, относящиеся к конному делу, сбруе, всадничеству, соответствующему вооружению и т. п., в Западном Иране той эпохи могут указывать на иранские племена или их влияние. В памятниках Ирана того времени такие черты входят в число тех, которые имеют системные аналогии на северо-западе, в Восточном Закавказье, а также далее к северу. Вместе с тем закавказские комплексы конца II – начала I тыс. до н. э. отражают влияния со стороны северокавказских и степных культур. Особо следует отметить недавно выявленные данные о том, что всадническое население и его могильники с конскими захоронениями и иными чертами обряда, характерными для степной зоны, включая Поволжье, распространяются до Восточного Закавказья и частично до Ирана к первым векам I тыс. до н. э. Эти факты подтверждают, что по крайней мере часть западноиранских племен двигалась через Кавказ. Судя по историко-этномастическим данным об Иране, такое движение к его границам могло проходить в последней четверти II – начале I тыс. до н. э.

Это не исключает пути других западиоиранских групп восточнее Каспия, но тогда, по историко-лингвистическим соображениям, такое расселение должно было проходить примерно в то же время из близких (географически и культурно) районов. Его можно связать с распространением погребений срубного типа по Восточному Прикаспию до юго-запада Туркмении в конце II тыс. до н. э. (или также с тем, что язык Парфии, исторически известной с VII/VI в., был в основе западиоиранским). Следует также учитывать, что иранские племена еще долго после арийской эпохи обитали в степях; иранские языки, как говорилось, бытовали там в общеиранский период, а иранское единство с общими языковыми, идеологическими, социальными, военными и хозяйственными нововведениями должно было формироваться в едином географическом и культурном ареале; данные о появлении некоторых из этих новшеств подтверждают, что общие контакты различных иранских групп в степной зоне еще продолжались в третьей – начале последней четверти II тыс. до н. э.

Если ираноязычный мир в праиранскую эпоху и позже контактировал на западе с иными индоевропейцами Европы (а на севере с финно-уграми), то индоарии, не имевшие таких связей по крайней мере с середины II тыс. до н. э., могли обитать восточнее и южнее иранцев и покинуть степную зону ранее, чем оттуда стали уходить к югу иранцы. Но для определения пути индоариев к Индии нет надежных критериев (отнесение к ним памятников со степными чертами на юго-востоке Средней Азии прямо не противоречит историко-лингвистическим данным, однако не имеет пока доказательной силы). Остановимся еще на мнении об арийской или именно индоарийской принадлежности земледельческих культур второй четверти – конца II тыс. на юге Туркмении и Узбекистана (типа Намазга V/VI–VI, Сапалли и др.) и севере Афганистана (Дашлы и др.). Население этих районов, характеризующееся большим культурным и, как полагают, этническим единством, выводят из ареала более ранних культур Намазга, Гиссара и др. в «Хорасане» и Горгане, но их носители, как мы видели, не могли быть ариями. Правда, нет необходимости соглашаться и с тем, что культуры Намазга V и VI принадлежали населению, ассимилированному горгано-гиссарцами, но первые земледельцы ряда мест на юго-востоке Туркмении, юге Узбекистана и др., видимо, были выходцами с поселений типа Намазга V и переходных V/VI. А предположение об арианизации местного населения уже после начала эпохи Намазга V/VI не имело бы никакой поддержки в археологическом материале.

Тут уместно обратиться к данным о развитии хозяйственно-культурных традиций индоариев и иранцев до начала ведийской и авестийской эпох от общеарийского периода. Индоиранцы характеризуются как скотоводы-земледельцы степного типа, как пастушеские племена, применявшие подсобное земледелие, и т. п. В любом случае они не могли бы и на этом основании отождествляться с земледельцами Намазга IV–V, Гиссара III и др., а тем более с обитателями «серокерамического» Горгана с его развитой оседло-земледельческой культурой и огромным числом поселений той эпохи, причем и с «протогородскими» чертами. Близкий к общеарийскому тип хозяйства был свойствен иранцам в общеиранский период и еще отражен в традиции Авесты, а индоарии во многом сохраняли его при появлении в Индии и до ведийской эпохи. Сопоставление таких данных Авесты и Ригведы с реконструируемым индоиранским состоянием показывает линию развития, на которой нет места многим чертам «протогородской» цивилизации, включая «дворцы» и «храмы», выявляемые и на памятниках типа Дашлы; такие комплексы, как Сапаллитепа, по хозяйственным и иным показателям, очевидно, тоже не могли принадлежать ариям того времени.

Данные вед и особенно Авесты могут частично восходить к периоду до создания самих этих сочинений. Однако и «доавестийская» традиция Авесты отражает явления, возникшие много позже общеарийского и иранского периода, а Ригведа – хозяйственные и культурные черты, характерные для ариев уже в Индии. Если даже полагать, что в лексике и реалиях Ригведа (и вообще ведийская литература) отстает от действительности, то и тогда соответствующие особенности должны в основном относиться к непосредственно предшествующей эпохе. Отметим в этой связи, что в индийских текстах гончары и гончарный круг засвидетельствованы с поздневедийского времени, хотя могли появиться у ариев и ранее в ведийскую эпоху; но в ее ритуалах (в том числе по Ригведе) еще применялась лепная (и вообще неглиняная) посуда, причем и тогда, когда была известна гончарная, а сама последняя долго связывалась с неариями. Поэтому в самом арийском обществе гончаров, очевидно, не было к началу ведийской эпохи или еще и в период Ригведы. Зато уже тогда упоминается «плотник» (тачавший колесницу), и, как отмечалось, это не случайно дошедшие, а закономерные факты, соответствующие составу арийских (и «степных») ремесел.

В первой половине I тыс. до н. э. индоарии жили в условиях североиндийской культуры («серой расписной керамики» – по одному из типов посуды керамического комплекса), в ареале которой они, по ведийским данным, уже преобладали и которая по своим датам совпадает с ведийской эпохой (без периода Ригведы или его ранней части). Поселения этой культуры весьма примитивные, типично «сельские», без черт «городской» или «протогородской» цивилизации (появляющихся лишь на некоторых памятниках конца эпохи). Эти материалы показывают, в каком хозяйственно-культурном типе могли реализоваться социальные отношения, характеризующиеся ведами и во многом развивающие индоиранские институты. Культура этих индоарийских поселений в ряде отношений ближе к культурам степной бронзы, чем к «протогородским» цивилизациям. Таким образом, и ведийские тексты, и данные археологии о культуре индоариев того времени одинаково свидетельствуют о той линии хозяйственного и социального развития с индоиранского периода, которой не соответствует тип земледельческих культур юга Средней Азии и соседних областей Иранского нагорья до конца II тыс. до н. э.

Позже в этих районах обитали иранские племена, а именно «авестийцы», а по данным археологии, около X/IX–VII вв. бытовали памятники «эпохи варварской оккупации» (ЭВО), как не без основания ее называли ранее. В противовес этому акцентируют преемственность материальной культуры данной эпохи от предыдущего периода. Но в той или

иной мере такая преемственность должна была сохраняться и при смене этноса; вместе с тем наблюдается разрыв с традициями предшествующих культур Анау–Намазга. На памятниках ЭВО, в частности, широко распространена лепная посуда, в чем видят «этнографический признак» и авторы, отрицающие ее связь со степной. Но этот признак не был свойствен аборигенам, причем тут особо показательно не оформление керамики, а отражение важной экономической и социальной особенности. Она была характерна как раз для пришлых иранских (или независимо от конкретной языковой атрибуции степных) племен, а на самих памятниках ЭВО принадлежала именно ираноязычному населению, что также указывает на эту эпоху как первую, когда иранцы преобладали в данных районах. Данной эпохе должно было предшествовать распространение там ираноязычных групп. На северной периферии земледельческого ареала, в его пределах и на самих поселениях времени Намазга VI встречается степная керамика; в данном случае, относящемся к границам разных хозяйственно-культурных зон и связанном с экономическим показателем, эта керамика может свидетельствовать о новом населении. Кроме того, в тех же районах известны принадлежащие степным племенам погребения и стоянки с той же лепной керамикой. Учитывая, что иранские племена в ареале древних культур Востока обычно усваивали местную материальную культуру, вряд ли можно ожидать более обстоятельных археологических доказательств проникновения этих иммигрантов с последующей ассимиляцией местного населения и созданием нового этнокультурного типа на ранних этапах ЭВО. Данные процессы относятся ко времени около последней четверти II – начала I тыс. до н. э., как показывают и датировка упомянутых степных материалов, и положение степной керамики в верхних слоях поселений эпохи Намазга VI. Это также подчеркивает, что в основном на ее протяжении эти поселения занимали аборигенные группы, и именно для них характерен свойственный для самой этой эпохи хозяйственно-культурный тип.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Такие факты явно недостаточно учитываются некоторыми историками и лингвистами. Так, следуя обычной локализации в Европе родины индоевропейцев, включая ариев, порой считают их общество гораздо более примитивным, чем его можно характеризовать по историко-лингвистическим данным, а более развитые черты социального строя признаются лишь для той части ариев, которая продвинулась в области древних культур Востока на юге Средней Азии, в Иране и пр. Или, напротив, принимая мнение о

сравнительно высоком уровне хозяйства и социальных отношений индоевропейцев, иногда пытаются поместить их родину в Азии, рядом с регионом древневосточных цивилизаций. В обоих случаях недооцениваются археологические и иные данные, свидетельствующие о значении социально-экономических процессов, протекавших вне древнего культурного ареала Ближнего и Среднего Востока, в земледельческо-скотоводческой зоне Евразии. Материалы из ряда ее областей вполне отвечают данным о хозяйственном и социальном развитии индоевропейцев и ариев (что для последних будет показано далее).

Упомянутая локализация индоевропейцев в Европе относится ко времени перед распадом их языкового и племенного единства. Это, как не раз отмечалось индоевропейцами, не исключало бы поиски более ранней «прародины». Так, вполне можно допустить, что предки индоевропейцев пришли в Европу извне или что туда проникли этноязыковые группы, принявшие вместе с местными участие в сложении будущих «индоевропейцев» и их языка. Уже давно предполагаются связи индоевропейского с семитским, финно-угорским и др., а также отдельные лексические соответствия в иных языках. Но если и придавать значение каким-либо из таких ведущих в разные направления данных, они остаются частными (и до сих пор ненадежными) в сравнении с совокупностью бесспорных собственно индоевропейских материалов. Помимо общих, не обязательно взаимосвязанных структурных черт и основанных скорее на случайных созвучиях словарных совпадений (вместе с весьма произвольными семантическими сближениями), единичных культурных терминов, нередко мигрирующих на большие расстояния, и т. п. некоторые структурные сходства и определенные элементы словарного фонда могли бы восходить ко временам задолго до эпохи индоевропейского единства. Так, если последовать гипотезе о «ностратическом» родстве индоевропейской и ряда других языковых групп, распространенных от Центральной Африки до Северо-Восточной Азии, то связи этих языков должны относиться к верхнему палеолиту (как полагают, на северо-востоке Африки и в Передней Азии) и отделены от индоевропейской эпохи многими тысячелетиями. На их протяжении тоже могли иметь место тесные контакты предшественников индоевропейского и некоторых других языков. Можно также отметить, что становление «производящего» хозяйства в Европе (начиная с Балкан) проходило, безусловно, при воздействиях, а очевидно, и при проникновении групп населения из Передней Азии. Влияния с юга наблюдаются и позже, но наряду с идущими в обратном направлении. В основном самостоятельное развитие культур упомянутых европейских областей между VI–III/II тыс. до н. э. привело к большому прогрессу в земледелии и скотоводстве, металлургии и пр., как и в общественных отношениях. Но при этом, конечно, не был достигнут уровень цивилизаций Передней Азии. Да и вообще протоисторические культуры Ближнего и Среднего Востока по различным социальным, хозяйственным и культурным показателям несопоставимы с упомянутыми культурами Европы и реконструируемыми по историко-лингвистическим данным особенностями общества индоевропейцев. Их отдельные группы проникали на Восток и усваивали местные достижения и традиции.

Но последние не являлись общеиндоевропейскими и не были свойственны предкам большинства индоевропейцев и позже. Так что и по этим причинам нельзя было бы поместить в каких-либо районах Ближнего и Среднего Востока прародину индоевропейцев. К тому же она, безусловно, составляла сплошную обширную область их глотто- и этногенеза. А по конкретным данным, в областях от востока Малой Азии, Сирии и Палестины до Западного Ирана, включая Закавказье, Армянское нагорье и, естественно, Месопотамию, аборигенные народности не были индоевропейскими, а появившиеся позже группы этой семьи принадлежали к отдельным обособившимся ее ветвям и были явно пришлыми в данном регионе; так, основные для него «индоевропейцы» – западные иранцы и армяне – замещают старое местное население при свете данных письменных источников. Не могло быть индоевропейским и население востока Иранского нагорья, юга Средней Азии, долины Инда, а известные там позже индоиранские племена также были пришлыми в этих странах. И лишь для крайнего северо-запада ближневосточного региона можно предполагать раннее распространение отдельных индоевропейских групп, но эти районы Малой Азии примыкали к индоевропейскому ареалу Европы.

² См. об этом также в примеч. 1.

³ Начало же широкого применения боевой колесницы в Передней Азии (о чем известно по письменным источникам) не будет удревнено; а если вместо обычно принимаемой в таких расчетах «средней» хронологии истории Передней Азии той эпохи последовать вполне вероятной «краткой», соответствующие даты будут уменьшены на три четверти века.

SUMMARY

There are several theories in contemporary science that postulate a connection between the Aryan tribes of India and Iran and the prehistoric land-tilling and “proto-urban” cultures (those which existed before the 1st millennium B. C.) in the south of Central Asia and in the neighbouring regions of the Iranian Plateau. Though there is no evidence of the existence of Aryan languages in this agricultural region, they were undoubtedly spoken in the northern steppe zone in the 3rd-2nd millennium B. C. – and, incidentally, during the Indo-Iranian language period. At the same time the uniform Indo-Iranian traditions in the economy, everyday life, customs, social organisation, religion and culture are proof that during the Aryan-entity epoch and for some time after its disintegration, the Indo-Iranian tribes could not live under different economic-cultural conditions. There are grounds to assert that contacts among Aryan tribes continued into the first half of the 2nd millennium B. C. Hence, they had to live in the steppe zone until that time, and the land-tillers in the south of Central Asia and Iran could not belong to the Aryans, at least not till the periods Namazga IV-III and Hissar III-Tureng III inclusive. Areas to the north of this agricultural region were inhabited for a longtime by non-Aryan tribes of hunters and gatherers.

The above-mentioned reasons indicate that the Gorgan grey ware complexes should not be considered Aryan; what is more, the fact that they date back to the last centuries of the 4th millennium B. C. is emphatic evidence that the spread of grey ware is unrelated to the Aryans. The spread of new types of ware, metal articles, etc. in general does not necessarily point to migration; vast cultural provinces and communities associated with specific styles in pottery, as they existed in the Iranian Plateau in prehistoric times, were as a rule multi-ethnic.

Grey ware of the “Khabur” complex must not be linked with the Aryans of Western Asia; this complex is older than the Hurrian-Mittani Kingdom and is of a different origin. Likewise unacceptable is the view that the predominance of grey ware in North-Western Iran from the 14th-13th century was due to the arrival of Iranian tribes from the east. In all probability, they came to Western Iran approximately in the 11th-10th century B. C. Centres of craftsmanship and pottery manufacture in the area were in urban settlements, which even in the 9th century belonged to the aboriginal population; and it was their traditions that determined the nature of the products manufactured there. The historico-geographic and onomastic data indicate that the inhabitants of Hasanlu (in the V and IV periods), which set the standards in grey ware in North-Western Iran, were not Iranian language speakers. Grey ware was used in Iran both before and after the arrival of Iranians, who simply borrowed the tradition from the aboriginal population. The new spread of painted ware in Western Iran circa the 8th-7th century occurred after the Iranian tribes had populated the area, and equally did not result from the appearance of a new ethnos there.

The Indo-Iranians in the Aryan period, the Iranians in the common Iranian period and the Indo-Aryans by the beginning of the Vedic age did not produce wheel-turned pottery. Many other features of the economy and culture of the Aryan tribes as well do not correspond to the general make-up of the land-tilling cultures of what is now Soviet Central Asia, Iran and Afghanistan in prehistoric times, including from the second quarter to the end of the 2nd millennium B. C. (Namazga V/VI-VI, Dashly, etc.).